

Русский журнал
№ 41
декабрь 1991

Складывается впечатление,
что состоянием в охране природы
мы обеспокоены меньше,
чем международное сообщество

Народный депутат РСФСР, министр окружающей среды и природопользования СССР
Николай ВОРОНЦОВ:

«Экологическая безопасность не терпит местничества»

Во время своего недавнего визита в аварию на втором блоке Чернобыльской АЭС, министр охраны природы и безопасности ядерных реакторов ФРГ Клаус Тенфер выразил крайнюю обеспокоенность происходящими в стране процессами дезинтеграции, в частности в связи с проблемой контроля над ядерными реакторами. ФРГ выступила за независимость Балтийских республик. Но, с другой стороны, там обеспокоены судьбой Игналинской АЭС, где сейчас идет смена кадров. В Ленинградской области Литва строит жилье для прежних сотрудников станции. На эту уже не молодую атомную станцию, где работают такие же реакторы, как в Чернобыле, будут приглашены новые сотрудники. Дело не в том, что они литовцы, более того, я не сомневаюсь, что они будут хорошо работать. Но демцы обеспокоены, тем более что до Германии расстояние от Игналины такое же, как до Москвы.

Во время встречи с г-ном Тенфером мы узнали, что ликвидирован Госпроматомнадзор как союзная структура. Вместо него создан российский Госпроматомнадзор, и это можно приветствовать. Но авария на втором блоке ЧАЭС произошла на момент, когда Госпроматомнадзор СССР уже получал известие о том, что он ликвидируется, а Укрпроматомнадзор только еще создавался. А для того, чтобы новая организация работала нормально, необходимо время.

Сейчас в связи с блокадой Армении обсуждается вопрос о расконсервации Армянской атомной электростанции. Минатомэнерго остается существовать как структура, обеспечивающая функционирование станции, а вот контрольная структура исчезла. Будет ли Армения ради одной электростанции создавать свою контрольную структуру? Очевидно, нет.

Все это крайне беспокоит экологов всех стран мира. Особенно на фоне второй, повторной аварии на Чернобыльской АЭС. Я сейчас очень боюсь того обстоятельства, что быстрый распад союзных структур может быть преврат в аварии, и огромным экономическим ущербом.

Сложилась очень непростая ситуация: как на законодательном, так и на исполнительном уровне в области экологии у нас абсолютное безвластие. Союзные структуры практически не существуют. Сейчас там работает ликвидационная комиссия, то есть министерство экологии в России не работает. К этому надо добавить, что сейчас существует отчетливая тенденция как можно больше вопросов передавать в областные комитеты охраны природы. То есть процесс дезинтеграции, который шел на уровне Союза, теперь хотят спустить на уровень России. Естественно, что мелкие вопросы экологической экспертизы должны решаться на местах. Но все принципиальные проблемы нужно разрешать централизованно, чтобы исключить местничество. Но вот то, что российская экологическая экспертиза, по сути дела, одобрила проект сохранения Байкальского целлюлозного комбината. Старая история, нам говорят, что в стране нет бумаги, нет целлюлозы и т. д. Но есть постановление Совета Министров, которое не отменяет, о том, чтобы к девяносто третьему году Байкальский целлюлозный комбинат должен быть перепрофилирован. А вот сейчас ведомственный институт Сибирцебум — ответственная организация, бывший филиал Ленцеллюлозы, того самого института, который проектировал все эти затеи с целлюлозными комбинатами на Байкале, — обновила проект реконструкции на более чистый экологический режим. Короче говоря, ос-

новная идея такова: не закрывать, не перестраивать, не ремонтировать, и пусть себе дальше работает.

Байкал, конечно же, находится на территории России, но это и мировое достояние. Я абсолютно убежден, поскольку Байкал содержит 80 процентов запасов пресной воды Советского Союза и 20 процентов мировых запасов, то экологическое состояние этого озера не может быть сведено к каким-то локальным интересам только лишь жителей Иркутской области, или Бурятской АССР, или даже России.

Советский Союз несет ответственность за большое количество международных соглашений. Участником этих конвенций автоматическим образом не может. Авто вступить в Организацию Объединенных Наций, надо заплатить взнос за участие в ряде организаций и т. д. С Украиной и Белоруссией проблем мало — они члены ООН. Прибалтийские республики уже тоже вступили. Но остальные... Сейчас все говорят: отдайте нам заповедники. Но если мы отдадим все заповедники, отдадим в юрисдикцию республик, то мы сразу лишимся биосферного статуса. А такой статус означает включение в глобальную сеть заповедников, в так как эти заповедники работают по особой программе биомониторинга. Мы просто отключим себя от системы международной информации и не будем поставлять в международное сообщество соответствующую информацию.

Причем, кроме проблем, связанных с Западом, есть масса проблем внутри страны. Споры нет, централизация в стране была чудовищная. Но нельзя из одной крайности шаркаться в другую. У нас по западным границам установлена сеть наблюдательных станций по трансграничному переносу загрязняющих веществ, в основном с Запада на Восток (а мы с Запада получаем больше грязи, чем туда «засылаем» сами). Обработка всех этих данных с пограничных пунктов (теперь четыре из них отошли к прибалтийским государствам) велась на единой станции, которая была в Вентспилсе, то есть теперь оказалась за границей. Нам придется строить новый лабораторный центр по обработке всех этих данных. И вот международные организации спрашивают — с кем нам иметь дело? Ну энтузиазм здесь, конечно, очень велик. Россия горит — с нами, другие — с нами... Но для этого надо оформить членство в соответствующих международных организациях, подписать соответствующие конвенции. Это очень дорогая вещь, это процессы, требующие не одного дня. Возникает вопрос: что, в это время мы не будем участниками мирового сообщества? Летом следующего года в Бразилии состоится международная конференция по проблемам окружающей среды, глобальной форум ООН на уровне глав государств и правительств. Если туда поедет Горбачев и все президенты бывших союзных республик — я буду очень рад, это было бы полезно для дела. Но участие в этом форуме требует совершенно определенного жесткого графика и выдвигает жесткие требования.

Должна быть подписана конвенция в Женеве по загрязнению атмосферы. Но она не подписывается, потому что не согласована со всеми республиками. Республканты не знают, в каком они статусе, хотят они принять условия или не хотят. Значит, не будет ни подписи Союза, ни подписей республик. Мы возвращаемся к временам железного занавеса, скажем, Декларации прав человека и т. д. Все повторяется сейчас в экологической сфере.

Я думаю, как эти дезинтеграционные процессы, которые пошли по всему Союзу, через некоторое время развяжут такое крупное объединение, как Российская Федерация. Резко увеличится число экологических аварий. Когда я пришел в Министерство охра-

ны природы СССР, мы наладили четкое взаимодействие с республиками, так что каждый день на стол ложились сообщения о состоянии дел в экологии, обо всех авариях и т. д. Вся эта система сейчас перестала работать. Мы теряем информацию. Это страшная вещь. А надо ли доказывать, что экологическое пространство едино, биосфера едины. Причем надо сказать, что многие республики заинтересованы в контактах. Вот сейчас стоит проблема Каспия, где уровень воды поднялся на сегодняшний день на 170 сантиметров. Отчасти ее можно было бы решить открытием плотин на Карабогаз-голе. Но кто теперь будет ее решать? Карабогаз-гол, который расположен в Туркменинии, сегодня в значительной степени определяет судьбу прибрежных поселков в Азербайджане, Казахстане, России.

Ликвидируется союзное Министерство геологии. А вместе с ним единая государственная геологическая служба, созданная еще во времена Алексея Лаврентьева. Сейчас это будет ликвидировано. Сейчас здесь должен быть некая оптимистичность. Вот у нас есть самый перспективный нефтяной бассейн в Северном Каспии и Прикаспии. Он начинается на территории Калмыкии, затрагивает юг Астраханской области, Гурьевской области и заканчивается на Мангышлаке. С геологической точки зрения практически все равно, где проткнут этот «вузырь» — на территории Казахстана или России. Поэтому надо выбрать оптимальное со-

вместо для «вузыря» и дальше уже решать, как справедливо, в зависимости от того, в какой республике ведется разработка, делить прибыль. Ведь источник один и тот же, бассейн один и тот же.

Или ситуация с лесом. Лес в основном находится на территории России, значит, логично отдать все союзные институты России. Но если у нас есть единственный институт, занимающийся лесохозяйственной деятельностью в Архангельске, почему он не может стать межреспубликанским? Конечно, стоит договориться о системе взаимодействия, о договорах, но, как известно, денег всегда не хватает, и в первую очередь будут обслуживаться, совершенно естественно, интересы свои, а не чужие.

Как быть, скажем, Киргизии, которая имеет лесистость 0,4 процента, но это леса из тьянь-шаньской ели? Должна ли она завозить свои республиканские лесные институты? Думаю, вряд ли ей это сегодня экономически по плечу. А с другой стороны, какое мы имели право на союзные институты, в которые вложены деньги и киргизского народа, оторвать в пользу одной России? Да, в Киргизии лесов немного, но это горные леса, очень важные для сохранения ландшафта, поддержания водного баланса и т. д. Аэрофотосъемка, спектрально-зонная съемка, оценка подверженности вредителям — это должно делаться союзным институтом.

И так во всем. У нас есть всесоюзный институт охраны вод, который расположен в Харькове, а филиалы имеет в Волгограде, Душанбе и на Байкале. Конечно, на их базе можно создать новые институты, но в Душанбе, например, коллектив еще не готов стать самостоятельным, он опирается на харьковский головной институт... А возьмите такую великолепную службу, как противочумная. Это союзная служба, существовавшая в Мипздраве в отделе особо опасных инфекций. Если мы мало говорим о чуме, то не потому, что у нас ее нет, а потому, что у нас имеется незаметная, но прекрасно работающая служба. Чумные очаги в Советском Союзе расположены по всей степной, полупустынной и горной области. Это и Горный Алтай, и Тува, и Забайкалье, и еще, за исключением севера, Казахстан, и вся Средняя Азия, и Калмыкия, и Ставропольский край, и Астраханская область, и все Закавказье.

Но как работает эта служба? В хорошем смысле слова в полуизолированном виде, то есть очень мобильно. Если где-то возникает очаг, то объединенными силами специалистов всей санэпидслужбы Советского Союза он гасится. Стремление раздробить эту единую службу, во-первых, очень дорого обойдется, во-вторых, будет потерян высокий уровень квалификации.

Мы, как всегда, бросаемся из одной крайности в другую. Всем ясно, что Объединенный институт ядерных исследований в Дубне никто не собираются перевести, скажем, в российское подчинение, потому что это международный институт. Но коли у нас республики стали самостоятельными государствами, то почему мы не идем по пути создания объединенных межреспубликанских, то есть межгосударственных институтов?

Надо отбросить амбиции как союзных, так и местных. Надо понимать, что дороже всего природа и здоровье людей. И нужно вырабатывать оптимальные решения. Я абсолютно убежден, что экология является частью системы национальной безопасности, и должна быть система экологической безопасности. Природа не знает границ. Обязательно должно быть подписано соглашение по экологической безопасности.

Надо обратить внимание на западный опыт, где идут интеграционные процессы. Обратит внимание на интенсифицированное развитие договорных процессов, международных конвенций, соглашений и т. д. Между тем мы сейчас фактически стоим на грани полного прекращения международного сотрудничества. Кто будет отвечать за все международные соглашения? Должен быть длительный процесс передачи всех соглашений республикам, чтобы не было ни одного дня перерыва, чтобы не повторили опыт 1917 года, когда большевики объявили, что они откажутся от всех долгов царской России, и это нам справедливо напоминают до сих пор.

Кроме всего прочего, великой державе нужно высококультурное руководство. Процессы демократизации выдвинули массу новых людей. Это хорошо, есть из кого выбирать. Но должен существовать определенный культурный, нравственный ценз на занятие должностей.

Кто ответит на вопрос, существуют ли на сегодняшний день союзные обязательства между международными соглашениями или нет? Договоры, подписанные Президентом СССР, договоры, подписанные министром иностранных дел, премьер-министром, правителем или не правителем, суть юридическая основа сотрудничества с миром, и их надо выполнять, если мы хотим, чтобы с нами считались. Иначе пойдем по пути матросской революции: мы ничего не знаем, мы ни за что не отвечаем, мы этого не подписывали. Ну а дальше это обернется и уже оборачивается многомиллиардными потерями.

Правда, в последнее время в природе происходят и некоторые другие вещи. Под Череповцом сильно сократились кислотные дожди. Это результат невыполнения плана Череповецким комбинатом. Не нужны никакие природоохранные мероприятия — можно повысить чистоту и другим путем. Не исключено, что мы развалим свою страну до того, что у нас станет совсем хорошая экология. Но это произойдет не благодаря рациональному природопользованию, а просто из-за разрухи. Боюсь, что это не способ решения экологических проблем...

Записал Армен ГАСПАРЯН